

МОНИТОРИНГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ
СЕНТЯБРЬ 2010

ИСТОЧНИК	ДАТА	ФРАГМЕНТ
Восточно-Сибирская правда	09.09.2010	Что происходит с населением Иркутской области? Этот вопрос Дмитрий Люстрицкий задал исполнительному директору Иркутского межрегионального института общественных наук , кандидату исторических наук Константину Григоричеву.

Восточно-Сибирская правда

Дата: 09.09.2010

Иркутск

Автор: Дмитрий ЛЮСТРИЦКИЙ

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ НАСЕЛЕНИИ

«Уехал в Москву», «перебрались в Иркутск»... Всё больше в нашей записной книжке новых телефонов и адресов. Что происходит с населением Иркутской области? Этот вопрос Дмитрий Люстрицкий задал исполнительному директору Иркутского **межрегионального института общественных наук**, кандидату исторических наук Константину Григоричеву.

Константин Григоричев не считает, что китайцы смогут серьёзно скорректировать численность населения

– В этом году Иркутский **МИОН** завершает масштабное исследование социально-демографического развития Иркутской области. Чем объясняется такое пристальное внимание к этой теме?

– Пару лет назад мы беседовали с одним из руководителей администрации Иркутской области. Он очень удивлялся: как же так, у нас в этом году выросла рождаемость, снизилась смертность, а демографы дают прогноз снижения численности трудоспособного населения? Власти нелегко бывает признать, что демография – наука объективная и её данные от нашего желания мало зависят. А ведь куда уж проще соотнести две простые вещи: те, кто родился сейчас, ещё долго не войдут в возраст трудоспособности, так что всплеск рождаемости на ситуацию на трудовом рынке повлияет мало.

Поскольку очевидно, что заниматься проблематикой социально-демографического развития региона необходимо, мы заложили это направление в концепцию деятельности Иркутского **МИОНа**. Первоначально вышли с инициативой составления демографического паспорта Иркутской области в рамках областной целевой программы. Проектом предусматривалась комплексная оценка демографической ситуации с периодической корректировкой прогноза на протяжении ряда лет. К сожалению, эта инициатива была если не похоронена, то отложена, и мы решили реализовать собственную программу, правда, в несколько усечённом виде, за счёт средств **МИОНа**.

Сейчас проект находится в стадии завершения и готовится к выходу книга, посвящённая демографическим проблемам в Иркутской области. В чём новизна и ценность этого проекта? Как правило, исследователей привлекает либо картина в области в целом, либо речь идёт об одном Иркутске. Но Иркутск, как столица региона, для области не показатель, как Москва не показательна для России. В нашем проекте мы анализируем ситуацию в каждом муниципальном районе и отдельно – малые, средние и крупные города и получаем не среднюю температуру по палате, а картину по области и, соответственно, прогноз по каждому муниципальному району. Это позволяет планировать развитие социальной среды и экономики.

Знать, чтобы сэкономить

– Неужели эти исследования совершенно не востребованы властью?

– При общем дефиците здравого смысла постепенно приходит понимание того, что страусиная политика ещё ни одного страуса не спасла. На стадии исследований Иркутский и Усольский районы пригласили нас, чтобы провести углублённую оценку социально-демографической ситуации и выработать предложения по развитию социальной сферы.

Почему муниципалитетам вдруг понадобились эти данные? До кризиса можно было тратить деньги, не сильно считая, в стране был декларирован социально ориентированный бюджет. Сейчас бюджеты резко усохли, приходится считать каждый рубль, и в том числе потраченный на капитальные вложения, на строительство детских садов, школ и так далее. Ситуация заставила взглянуть на демографию как на инструмент управления.

Например, в Иркутском районе есть тенденции к устойчивому росту, это пригородный район с активной застройкой. Здесь нужно посчитать, где и какими темпами будет расти население, чтобы спланировать реконструкцию и строительство объектов соцкультбыта.

Усольский район в целом тоже демонстрирует рост населения, но там ситуация иная: жители «стягиваются» к крупным населённым пунктам вдоль железнодорожной магистрали. Отдалённые населённые пункты, где сегодня проживают 200–300 человек, не растут и уже расти не будут. Там, например, сельские школы уже загружены наполовину и в перспективе количество учеников не увеличится.

– Как можно узнать, сколько нас и где мы живём?

– Есть две базовые процедуры: работа со статистикой (а демографии без статистики не бывает) и проведение социологических исследований. Официальную статистику часто ругают за низкую точность. Но есть известные методики её корректировки, которые позволяют с этой статистикой работать, даже со всеми допусками на неточность. Здесь нет никакой политической подоплёки. Чем мельче регион, который мы изучаем, тем больше погрешность. На уровне области этот порог минимальный – 1,5–2 процента, и когда мы оперируем цифрой в десятки тысяч человек, эта

погрешность несущественна. Но если мы «спустимся» с уровня области на муниципальный район, погрешность возрастёт. Почему? Численность населения учитывается по данным регистрации по месту жительства. Как правило, если человек убывает в другой регион, это отражается на данных регистрации. А вот если человек уехал в областной центр из сельского поселения, он может не сниматься с учёта годами. И чем мельче уровень поселения, тем больше таких «мёртвых душ». Начинаешь заниматься каким-нибудь отдалённо расположенным посёлком и видишь, что по данным регистрации там 350 человек, а на деле живут, например, 320. То есть погрешность уже не два процента, а девять–десять.

Соответственно, эти неучтённые убывшие дают погрешность по месту своего действительного проживания. Например, в Иркутском районе живёт на 10% больше населения, чем числится по статистике. Чтобы скорректировать эту погрешность, нужно поднимать данные похозяйственного учёта, использовать экспертные оценки, например, работников муниципальных и районных администраций.

Но нам мало знать количество для того, чтобы оценить перспективы по рождаемости, необходимо знать установки населения на деторождение. Будут ли расти семьи, будет ли увеличиваться количество детей? Для этого мы проводили небольшой соцопрос в Иркутске, Братске, Иркутском районе как пригороде. Исследование позволило посмотреть, как люди планируют своё будущее. Нас станет меньше. Но не сразу и не везде...

– И получается, что рост рождаемости не вечен...

– Результаты опросов подтверждают наши предположения: рождаемость больше расти не будет. В этом году будет пик, может быть, ещё в будущем году, а дальше пойдёт спад. В опросе было три позиции: идеальное число детей в семье, планируемое число детей и то количество детей, которое люди заведут обязательно. Так вот, планируемое число детей на одну женщину по Иркутску составляет 1,3. Суммарный коэффициент рождаемости для простого воспроизводства должен быть равен 2,15. В сельских районах показатели немножко выше, но в целом тенденция удручающая.

Параллельно мы смотрим на миграционную ситуацию. Здесь тоже всё достаточно запутано: в научно-популярных публикациях и в официальных документах речь идёт о миграции, внешней для региона. И здесь всё очевидно: устойчивый отток на запад или, как называют демографы это явление, «западный дрейф».

Однако при таком подходе сама область превращается в чёрный ящик. Данные статистики не отражают то, что происходит внутри области. Мы не претендуем на то, что этот подход абсолютно нов, однако предыдущие исследования по этой тематике датируются началом 90-х годов.

Когда же мы занялись вплотную миграциями внутри области, удалось выявить достаточно интересные закономерности. Мы выделили несколько точек притяжения: это зона иркутской агломерации и ещё несколько точек более низкого уровня: Братск, Усолье-Сибирское, Усть-Илимск.

Кстати, для демографов понятие «иркутская агломерация» – термин не политический абсолютно, а совершенно понятная и объективно существующая общность. Модно или не модно, но мы вынуждены оперировать этим термином, потому что с демографической точки зрения это явление существует.

Точки второго уровня собирают на себя население прилегающих сельских районов, но и сами отдают население в зону иркутской агломерации. В свою очередь большую часть оттока за пределы области даёт иркутская агломерация. Вот такое распределение миграционных потоков.

– И каковы выводы? Что происходит с населением Иркутской области?

– Очевидно, что население области будет сокращаться. Пока, в ближайшие год-два, оно будет сокращаться в основном за счёт миграции в другие регионы страны, расположенные западнее. Темпы миграции зависят от развития экономики страны в целом. Чем динамичнее развивается российская экономика, тем больше миграционный отток. Напротив, как только начался кризис, миграционный отток сократился.

К 2015 году миграционный отток начнёт сочетаться с естественной убылью населения. Если мы посмотрим на характер естественного вос-производства населения, то увидим, что ещё пару-тройку лет ситуация будет относительно благополучной. Однако превышение рождаемости над смертностью будет незначительным, и его с избытком компенсирует миграционный отток. Лет через пять, по нашим расчётам, уровень рождаемости начнёт неизбежно сокращаться. Перспектив серьёзного снижения смертности в Иркутской области нет, и если её структура останется прежней, население начнёт убывать.

Некоторым исключением станет Иркутск. СМИ сообщают, что в Иркутске происходит бум рождаемости. На него работают два фактора: во-первых, сегодня по родовым сертификатам довольно много женщин приезжают рожать в областной центр из прилегающих районов. Во-вторых, в отличие от области в целом, пик рождаемости в последние годы в Иркутске приходится на женщин более старшего возраста. Соответственно, восходящая демографическая волна сегодня в Иркутске ещё идёт, а в области уже пошла на спад. Так что в общий негативный тренд Иркутск попадёт несколько позже и год-два здесь рождаемость, вероятно, будет увеличиваться.

Разыскивается трудоспособное население

Гораздо более тревожит то, что по области в целом уже в ближайшие годы начнёт сокращаться число людей трудоспособного возраста. Это связано с тем, что в основной массе населения очень велика доля людей старшего трудоспособного возраста и они будут выходить на пенсию. А вот доля тех, кому сейчас шесть-семь лет, и так до пятнадцати-шестнадцати, – невелика. То есть люди старшего возраста начнут прекращать трудовую деятельность, а замещать их будет некому.

Эта проблема порождает целый комплекс вопросов. Например, нужно ли в связи с уменьшением количества трудоспособного населения увеличивать пенсионный возраст? Вроде бы нужно. Но ведь демографическая нагрузка на трудоспособное население комплексная. С одной стороны, это пожилые люди, с другой – дети. И если смотреть только на одну составляющую, на старший возраст, то всё вроде бы достаточно очевидно. Но если учитывать снизившуюся по сравнению с 80-ми годами рождаемость, то мы увидим, что совокупная нагрузка даже меньше, чем была, например, в начале девяностых годов. Поэтому, когда нам говорят о росте затрат на неработающих пенсионеров, это определённое лукавство. Или незнание.

– Как можно компенсировать эти процессы?

– Главный механизм компенсации естественной убыли – это миграция. Но Восточной Сибири рассчитывать на серьёзный миграционный приток не приходится. Из регионов Сибири от миграционного потока в рамках «западного дрейфа» из других восточных регионов России (от Прибайкалья до Камчатки) получает что-то только Красноярск. В регионы восточнее Красноярска, к сожалению, население мигрирует менее охотно, привлекательность восточно-сибирских регионов, и в том числе Иркутской области, падает. Даже из Бурятии сегодня в Красноярский край активней выезжают, чем в Иркутскую область.

Рассчитывать на масштабный приток постоянных мигрантов из Центральной Азии и Северного Кавказа я бы тоже не стал. Да, они прибывают, но прибывают в небольшом количестве – сказываются суровые климатические условия Сибири. Добровольной массовой миграции населения южных регионов на постоянное место жительства не наблюдается. Здесь скорее мы можем говорить о сезонных рабочих. И, кстати, совершенно не факт, что миграция должна быть постоянной: мигранты часто вызывают в принимающем обществе волну немотивированной агрессии. В конечном счёте и принимающему обществу, и бизнесу, и самим мигрантам временная трудовая миграция выгоднее, чем постоянная.

– Но тогда, наверное, на постоянное жительство сюда приедут китайцы?

– Китайцы – это не проблема. Во-первых, я не думаю, что китайцы серьёзно корректируют численность населения. Например, в Иркутском районе живёт около 70 тысяч человек, и даже если китайцев там человек пятьсот, то это не так много. Если говорить о трудовых мигрантах Центральной Азии, то это тоже сезонники, не думаю, что они оказывают существенное воздействие на ситуацию. И, по результатам опросов, большинство жителей района и администрации всех уровней к трудовым мигрантам относятся очень лояльно. Мы проводили серию интервью, и люди говорили: «Эти мигранты нужны». И если мигрантов не станет, то целым отраслям перекроет кислород нехватка рабочей силы.

В итоге компенсировать негативные явления в демографической сфере можно, только создав условия для снижения миграции населения из Иркутской области и сделав её привлекательной для переселенцев из Забайкалья и Дальнего Востока. И это уже не столько вопрос переселенческой политики, сколько выход на определённое качество жизни. Простой пример: почему люди уезжают, например, из Братска в Иркутск? В Братске сегодня можно получать заработную плату не меньшую, чем в Иркутске. И тем не менее люди уезжают. Почему? Потому что качество жизни в целом в Иркутске выше. Выше уровень здравоохранения, шире возможности для получения образования, доступнее различные формы досуга.

Остановить – или хотя бы замедлить – негативные миграционные процессы можно, только создав в Иркутской области такой уровень и качество жизни, чтобы она была не менее привлекательной, чем регионы Сибирского федерального округа, расположенные западнее. Это создаст и для местного населения мотивацию не уезжать. К сожалению, сказать, как решать эту проблему в сфере экономики и управления, демография не в состоянии. Но вы же не станете требовать у синоптика зонтик, если он предсказывает дождь?

Горькие рецепты для выживания

– То есть идей и решений нужно ждать от исполнительной власти?

– Ну, какие-то идеи можно предложить. Например, в Иркутской области невероятно высока смертность мужского населения. В некоторых возрастах, от 40 до 55, показатели смертности у мужчин в 2,5–3 раза превышают эти цифры у женщин, а в некоторых муниципальных районах и в четыре–пять раз. Главный фактор – это внешние причины, бытовой травматизм и алкоголь в различных сочетаниях. Это трудовой ресурс, который мы бездарно теряем. Конечно, необходимо развивать медицину и, между прочим, как-то противостоять тотальному пьянству.

Необходимо рационально планировать развитие муниципалитетов. О чём идёт речь? Возьмём, например, посёлок в Усть-Илимском районе. На ближайшие пятьдесят километров лес вырублен,

других ресурсов нет. Заниматься какой-то торговлей негде, все нищие: на тысячу населения 115 рабочих мест, из них 95 – в бюджетной сфере, ещё 15 мест – это местная котельная и водоканал. Нужна смелость признать, что такой посёлок существует искусственно, как больной в реанимационной палате. Пока в его бюджетную сферу поступают деньги, они как-то поддерживают жизнь. Но кроме расходов, посёлок ничего не производит. И люди даже уехать не могут оттуда, потому что у них нет денег на переезд.

Самое страшное, что население уже поражено тем, что американские социологи называют «синдром привычной бедности», который передаётся из поколения в поколение. Среднее поколение уже не хочет работать: для того, чтобы жить и пить, ему достаточно пособия или пенсии. Молодёжь не имеет возможности вырваться из привычной среды и, главное, даже не хочет этого. Такая ситуация характерна не только для Усть-Илимского района, но и для Мамско-Чуйского, Чунского районов.

Здесь возможным выходом может быть разработка программ по стягиванию населения в какие-то центры внутри района, туда, где есть перспективы экономического развития. Конечно, можно вспомнить ликвидацию неперспективных деревень в шестидесятых годах и пролить слезу. Но как бы болезненно ни проходил этот процесс, очевидно, что если у населённого пункта нет ресурсов для развития, то содержать его за счёт поступлений от бюджетов других территорий бессмысленно. Людям необходимо создавать условия и поощрять их к переезду туда, где есть работа и перспективы.